

Е. П. Жиганова (Минск, Беларусь)

Парадокс как прием создания образа Пушкина в «Русской теме» Вячеслава
Пьецуха

Сборник литературно-философских эссе В. Пьецуха был написан в 2008 году и посвящен русским литературным столпам – Пушкину, Гоголю, Лермонтову, Толстому и др. В очередной раз автор делает героем своего произведения русскую литературу в лице ее самых знаменитых представителей, поскольку литература, как заметил Пьецух в одном из своих интервью, – это огромная сила деланья человека. Однако здесь в качестве героя автор использует не только канонический образ писателя, но и тот ареол, который создавался вокруг того или иного имени на протяжении последующих десятилетий или столетий после смерти писателей.

Эссе «Товарищ Пушкин» – первое в череде портретов писателей. И, наверное, это не случайно. Автор, как обычно, полон иронии, но ирония направлена не на самого Пушкина, а на те стереотипы и мнения, которые бытуют вокруг его имени долгое время. «Пушкин велик, как Бог, он точно солнце нашей литературы, которое не закатится никогда» [1].

Однако эти постулаты требуют доказательств, ибо, как иронично замечает В. Пьецух, «ну, сказки складывал на манер народных, только русского человека сказкой не удивишь; ну, написал остросюжетную повесть «Пиковая дама» и приключенческий роман «Капитанская дочка», но в чем их всемирно-историческое значение – не понять» [1]. Он намеренно использует несколько снижающую авторитет текста лексику и терминологию, имея в виду растиражированность творчества Пушкина в широких читательских кругах, которые зачастую не понимают и не знают на самом деле этого творчества.

Как замечает автор, «квалифицированных читателей в его время существовало столько же, сколько и нынче, то есть полпроцента от общей

численности населения» [1]. Но все в курсе, что Пушкин наше все, не задаваясь вопросом, почему он наше все. А Пьецух задается, и последовательно, от противного, приходит к заключению, что «литература, завещанная нам Пушкиным, - явление редкостное, штучное, из тех, что происходят в природе немногим чаще, чем великие переселения народов... что уже 200 лет не существует беспросветного одиночества как эстетической категории, поскольку всегда с тобой верный товарищ – Пушкин, который, если что, и утешит, и порадует, если что» [1]. В финальной части эссе гораздо меньше иронии, поскольку автор объясняет феномен пушкинского авторитета его органичностью и естественностью. Но, чтобы прийти к такому выводу, автор прибегает к созданию целого ряда парадоксальных образов и ситуаций, которые должны бы были перевернуть сознание читателя в обратную сторону. Но ирония вкупе с парадоксами дает обратный эффект: читатель утверждает во мнении, что Пушкин – «солнце нашей поэзии», как, собственно, и прозы.

Парадокс первый: Пушкин велик, поскольку он написал много для своего времени. В. Пьецух тут же себе возражает: «Да вот Петр Дмитриевич Боборыкин так Боборыкиным и остался, хотя он по своему времени тоже много написал» [1]. Другими словами, количество написанного не является мерилем гениальности писателя (как об этом часто думает обыватель).

Парадокс второй: Пушкин велик, поскольку в его времена «писателей было наперечет, да и те в большинстве своем сочиняли так... для собственного удовольствия», и поэтому, живи он в другие эпохи (тут автор нам живописует Пушкина в 80-е годы XIX столетия, 50-е и 70-ые годы XX столетия), судьба его была бы иной, совсем не пушкинской. Но нельзя забывать, что и в эти эпохи творчество Пушкина жило и было востребованным.

Парадокс третий: Пушкин велик, поскольку читатель в его время был подготовленный («культурный уровень общества поднялся исключительно высоко, когда в ходу были домашние спектакли и семейное музицирование, люди

стрелялись из-за разночтений у Гегеля, танцы считались серьезным делом, лубочные картинки – предтеча нашего телевидения, пользовались успехом у сравнительно узкого круга лиц» [1]). Но ведь ранее Пьецух заметил, что во все времена квалифицированных читателей было и остается лишь полпроцента.

Парадокс четвертый: Пушкин велик, поскольку он был не по времени прекрасный человек («он являл собою образчик человека будущего, поскольку он был ненормально хороший, качественный человек, то есть широко образованный, тонко чувствующий, глубоко мыслящий, добрый, открытый, влюбчивый, безалаберный» [1]). И здесь Пьецух верен себе, иронизируя над добродетелями поэта, он упоминает о том, как Пушкин четырежды собирался жениться, приходил в восторг от всякой рифмованной чепухи, был до невозможности суеверен и невероятно красив.

Парадокс пятый: Пушкин велик, поскольку «он был человек будущего, волею рока затесавшийся в чужой, хотя и везучий век» [1]. Из аспектов везения можно обозначить то, что стихи его стали знамениты, несмотря на то что это «допоэзия», ибо поэзия начинается в тот момент, когда прозой мысль выразить невозможно. А, как правдиво замечает автор, пушкинскую поэзию можно перевести на язык прозы. Что интересно, Пьецух оставляет этот парадокс до определенного момента не раскрытым. И переходит к следующему, связанному с прозой.

Парадокс шестой: Пушкин велик, поскольку «самый сильный комплимент, который можно сделать Пушкину как прозаику, – гений повествовательного искусства, или бог доконцептуальной литературы» [1].

Но все эти парадоксы, как и гений самого Пушкина, зачастую не поддаются никакой логике. Если рассуждать логически, то максимум, что в современном мире должно остаться от пушкинского гения, – это несколько школьных впечатлений. Но почему практически любой русскоговорящий человек с легкостью извлекает из своей памяти (а может, подсознания) пушкинские строки?!

Они органично вплелись в нашу жизнь: морозное солнечное утро мы встречаем словами: «Мороз и солнце: день чудесный!», трепетные воспоминания навевают: «Я помню чудное мгновенье...», о пугачевском бунте мы составляем представление по «Капитанской дочке» и многое другое.

Нельзя не упомянуть и еще об одном – седьмом – парадоксе: Пушкин остается непонятым за пределами русскоговорящего пространства. «Действительно Пушкин национален, точно целая отдельная литература целой отдельной расы, до такой то есть степени национален, что за Неманом его не понимают даже профессора» [1]. Поэт сумел выразить ту неподдающуюся описанию и объяснению ментальную категорию, которую во все мире называют загадочной русской душой. Наверное, именно поэтому пушкинское творчество так глубоко проникло в русские души, что не извлекается оттуда несмотря ни на какие обстоятельства, о которых Вячеслав Пьецух и рассуждает в своем эссе «Товарищ Пушкин», поскольку, кроме Пушкина, «никто так не обнажил сам нерв нашего способа бытия, которым, собственно, и существует вся забубенная Россия» [1].

Таким образом, парадоксы, изображенные в эссе, позволяют читателю прийти к парадоксальному заключению: гениальность Пушкина недоказуема, но его гений остается непреложным фактом в сознании (и подсознании) русскоговорящего человека.

Литература

1. Пьецух, В. Русская тема. О нашей жизни и литературе [Электронный ресурс] / В. Пьецух. – Режим доступа: http://www.ereading.club/chapter.php/47231/0/P%27ecuh_Russkaya_tema_O_nasheii_zhizni_i_literature.html. – Дата доступа: 15.10.2016